

^ Публикация в «Восточно-Сибирской правде»

Миссия зодчего / Mission of an architect

текст
Л. Машир /
text
L. Mashir

Кладя свой кирпич, надо все время сознавать, что и ты помогаешь строить мир.

Сент-Экзюпери

Кажется, мне не везло. Уже дважды я поднималась на четвертый этаж в поисках моего неуловимого героя и дважды слышала: «Воронежский на планерке», или «Он у главного инженера – срочная работа...».

В третий раз, появляясь на пороге мастерской, я уже твердо была уверена – неудачам не будет конца. Низко склонившись к чертежам, девушки, прежние мои информаторы, с подчеркнутым вниманием занимались каждая своим и «не замечали»... ссоры:

– Поймите, у нас для этого нет ни времени, ни денег. Нас торопят.

– Знаю... и считаю – есть и время, и деньги.
– Это не ваше время и деньги не ваши.

Седой высокий человек с усталым лицом в упор смотрел на молодого. По всему было видно – его вывели из терпения. И другой, молодой, тоже смотрел в глаза под тяжелыми веками на побледневшем лице и молчал. Его молчание выражало никак не согласие, оно было – протест. И седой человек это понял.

– Я настаиваю. Сдайте рабочие чертежи. Нам незачем переделывать каждый по двадцать раз!

– ...Чертеж будем переделывать столько, сколько потребуется...

Мальчишеские узкие плечи выпрямились и полный удивительного спокойствия взгляд уперся в «противника»:

– Чтоб не халтура, чтоб чертеж.

Который же из двух Воронежский? – соображала я, припоминая слова Рабея, директора института: «... талантливый, растущий архитектор, и очень-очень серьезный товарищ». Дверь мастерской шумно закрылась. Опытному противнику явно не хватило выдержки.

«Неужели этот курносый задира?» Это был он – главный архитектор проекта Вячеслав Воронежский.

Конец сентября принес в Москву листопад и беспорядочное «бабье лето». На каждом углу появились астры. Белые, красные, синие, они тоже напоминали осень.

Сквер на площади Ногина снова манил к себе слегка поблекшим уютом и тополинокаштановой грустью.

Он любил этот сквер. Здесь думалось хорошо. Хорошо мечталось, радовалось, любилось... И вот – прощание.

Завтра он будет далеко от этого милого сердцу сквера, от своего «Alma mater» на углу Кузнецкого моста и Рождественки, – от города, где родился и вырос. Но ему не было грустно. Не было...

Их уезжало восемь. Восемь выпускников Московского архитектурного института с трудом добились направлений на работу в Сибирь, в Иркутск. И среди них была та, что стала его женой. Уже целую неделю Лера была его женой!!

Еще и еще раз вспоминалось, что сказал на защите дипломных работ Владимир Венедиктович Кратюк, один из любимых и уважаемых в институте педагогов:

«...Мы воспитывали в вас сознание высокой общественной – миссии. Миссии архитектор – служить благосостоянию своего народа, Будьте же достойны времени, в котором мы живем. И тогда созданное вами будет прекрасно, потому что оно для людей».

Как он это теперь понимал! Еще с первого курса он слышал примерно то же самое, но относил это в ряд «громких» слов. Что ни говори, а зрелость великая вещь. Зрелость умеет преподносить открытия. Сколько их уже было! Сколько будет еще, великолепных моментов открытий – все равно каких – звезды, человека, города. Маленькую точку нанесут на карту и рядом поставят название, а точка будет расти – как быстро расти может один только город. Его город! Его открытие!

Он простился со сквером и зашагал к центру, где длинные осенние сумерки украшали Москву в огне. И глядя на эти огни, ему виделись полные утреннего зарева далекие, удивительные города.

Мы знали, куда едем и что будем делать, – у него до удивительного мальчишеское лицо. Даже не по годам (ему 28) высокие зальсины ничего не могли поделать – то ли все тот же «ежик» русских волос, то ли манера разговаривать вытягивая губы вперед, то ли сохранившиеся со студенчества резкие словечки, – жестоко отнимали нажитые годы.

Да, они знали куда ехали! «Иркутскгражданпроект» вступил только в первую стадию своей организации. (Его штат состоял из директора, главного инженера и бухгалтера). А потом приехали первые энтузиасты – архитекторы Нечволодов из Киева и Воробьева из Томска – это был первый «поток». Во втором были они – выпускники Московского архитектурного.

Десять архитекторов – уже большая сила. А потом пришел день, когда в Иркутске перестали существовать очень похожие проектные организации: «Горстройпроект», «Облстройпроект» и «Востсибшахтострой». И стал существовать один только «Иркутскгражданпроект», теперь уже могущественный крупный институт, (где, кстати сказать, и по сей день не хватает специалистов), но где: – Самостоятельность! Порой от нее стонешь, – нет, он не жаловался, он снова счастливо улыбался. – Здесь работа сложнее и глубже... Значит, интереснее... Они посерьезнел. В Москве было бы проще...

Лес стоял рыжий и теплый, весь опущенный в тишину. Скользящая тропинка вела в гору. Шли вдоль нее, где мягко приседала трава под шумящим желтым листом.

Вячеслав шел первым, на ходу разворачивая карту. Выдавшая виды куртка, ботинки и опытный шаг выдавали в нем старого туриста. Когда поднялись, Вячеслав уже вышагивал между берез с развернутой картой и что-то прикидывал.

– Сейчас пройдем Олхинскую гору, здесь повернем и спустимся вот с этой стороны. Посмотрим эту низину и углубимся в лес, обследуем вот эту площадку. И на сегодня хватит. Больше не успеем. Пошли.

– Здесь, на этой бровке, должен быть центр. Лучшего места ему не найдешь. Во-первых на виду. Во, вторых, сюда как раз должна приводить главная магистраль... Алла, ты согласна со мной?

Инженер-транспортник Алла Заремба – сама сосредоточенность. Она считает... магистрали. Ей предстоит серьезная задача – составить схему основных транспортных линий будущего города: то, что у инженеров принято называть «уличной сеткой», а архитектор назвал бы это скорее скелетом города, который потом будет обрастать застройкой.

– Вот на этих плоских плато как раз уместится по микрорайону, а распадки между ними будут служить естественной зеленой зоной. И как можно больше сохранить леса...

Он умеет рассказывать. После его слов невозможно не увидеть в прозрачных березовых рощах высокие дома и в ложине с единственной тропкой – клумбы между дорожек и зеленые скамейки...

– А вы сюда посмотрите, какой чудесный вид из окон будет – вся пойма, как на ладони, – Тамара Кульгавова, руководитель вертикальной планировки, самый восторженный в группе человек. – А воздух какой! Нет, ребята, вы как хотите, а я за эту площадку!

Да, что-то скажут экономисты. Последнее слово им. А он уже видел:

– Здесь и дальше, вот там, лягут мосты в двух уровнях движения, и внизу по тоннелю пройдет грузовой транспорт. В Москве без рельефа это делают, а нам рельеф помогает. Эх и город здесь будет.

«Интересное место», – так может сказать только архитектор. Он надолго задумался. И я знала о чем. Он вспоминал проект. Готовый тщательно разработанный проект второй очереди строительства Шелехова, которому было отдано около года и которому суждено остаться неовплощенным. Кто в этом виноват? Никто.

Бывает очень трудно определить пути развития города. Вот и с Шелеховым. Генеральный план города

уже существовал, когда вдруг выяснилось, что с ростом промышленного комбината растет угроза загрязнения воздуха над площадкой перспективного жилищного строительства, и вот выбирается новая площадка. Даже детали прежнего удачного проекта нельзя будет использовать здесь. Оказалось, «интересное место» потребует совсем других новых архитектурных решений. Ну что ж, новых так новых. И в новом проекте будет все так же тщательно – продумано, вплоть до обсаженной тополями пешеходной дорожки к заводу. Все, начиная от административно-торгового центра с внутренним зимним двором до микрорайонов с минимальным количеством проездов. Ведь город предназначен для людей, значит, город служит человеку. И еще его тревожит забота – надо как-то решить уже назревшую проблему: нужны предприятия женского труда. Нужна, допустим, фабрика детских игрушек... Так было с Шелеховым.

Много сложнее было с Усольем, над генеральным планом которого только что закончена работа.

– Слава, какие вы помните моменты или решающие повороты в своей жизни?

Он помолчал.

– А, знаете у меня все прямо. Может быть, странно...

Мне не казалось странным. В конце концов, не каждый человек мог похвастать тем счастьем, что нашел себя в жизни сразу. А ведь могла произойти ошибка. С детства мечтал он о море. И когда в руках оказался аттестат, решил поступать в Ленинградское военно-морское училище им. Дзержинского. Но комиссия «придралась» к зрению... Пришлось вернуться домой и послушаться совета старого друга, школьного учителя рисования – «Суриковское или архитектурный».

– Вот так и не стал я моряком, – он подтрунивал над собой, и было видно, он ничуть не жалеет о том, что случилось.

Пять лет работы – срок приличный. За эти пять лет было все. Трудные дни поисков и сложных решений, дни настоящего творческого горения, когда мысли торопят руки и рукам не угнаться за мыслью. Были дни радостных находок, счастливых удач. А как жарки всегда споры по вечерам в большой мастерской.

Мир этого человека и строг, и разнообразен. Можно было бы еще долго рассказывать о километрах исхоженных туристских троп Восточной Сибири, об его итальянских впечатлениях и оригинальных взглядах на архитектуру и живопись, об очень важной и до сих пор нерешенной проблеме современной архитектуры, которая не дает покоя этому человеку. О кукольном театре, который так полюбили в институте и участником которого он являлся, о любимых стихах Пабло Неруды – «это почти Пушкин!» И о сыне, полторагодовалом Сережке – гордости отца. И еще о многом.

Но жизнь человека не уложится в газетные строки.

У каждого человека есть свое большое предназначение в жизни, у Вячеслава Воронежского – тоже. Строить прекрасный мир – это его миссия человека и миссия зодчего.